

Түркі тілдері/ Turkic languages/ Тюркские языки

Реликтовые корневые морфемы казахского языка в ряду универсалий

*Н. Букетова^a, А. Аратаева^b, С. Туркенова^c, А. Амренова^d^aҚарағандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан (E-mail: nursulu.buketova@mail.ru). *Автор для корреспонденции: nursulu.buketova@mail.ru^bҚарағандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан (E-mail: sgaat@mail.ru)^cҚарағандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан (E-mail: saltanat_turkeno@mail.ru)^dЕвразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан (E-mail: assel.s.a@mail.ru)

ARTICLE INFO

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

реликтовая
корневая морфема,
синхроническая
плоскость,
диахроническая
глубина, деструкция
слова, языковой
знак, импульс
значения, слово-
образовательный
анализ, модель
словообразования,
элементарные
единицы
словообразования.

Лексические остатки как один из факторов динамических процессов в словообразовании вызваны самим существованием языков. Данное явление обычно находит место в разряде исключений и называется «языковые окаменелости», «уникалии», «радиксоиды», «квази-морфы», «мёртвые корни» и др. В статье представлен новый подход к вопросу морфемного членения с лексическими остатками, которые предлагается называть реликтовыми корневыми морфемами (РКМ).

В статье приведен пример выделения названных единиц с позиций синхронного словообразовательного анализа, где рассмотрены слова с РКМ в казахском языке как производные и сложные. При этом РКМ, по Ф. де Соссюру, рассматривается в статье как языковой знак, имеющий свой смысл как с позиций современного состояния языка, так и в историческом ракурсе. Становится возможным выделение значений или импульсов значений лексических остатков в синхронической плоскости, сохраняющимся благодаря словообразовательным швам и участию слов с ними в потоке речи. Анализ слов с РКМ в диахронии позволяет выявить, на уровне какого временного фактора диахронной глубины происходит аккумуляция значения.

Существование РКМ в языках, в том числе и казахском, носит универсальный характер. Таким образом, реликтовая корневая морфема – это остаточная выделяемая при синхронном словообразовательном анализе корневая морфема, семантика которой характеризуется фразеологичностью, выражается в словообразовательном значении и подтверждается множественной семантикой, находящей место в различных исторических срезах в диахронном аспекте.

МРНТИ 16.21.47

DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-4-99-114>

Received 01 July 2023. Revised 12 July 2023. Accepted 27 November 2023. Available online 30 December 2023.

Для цитирования:

Н. Букетова, А. Аратаева, С. Туркенова, А. Амренова Реликтовые корневые морфемы казахского языка в ряду универсалий // Turkic Studies Journal. – 2023. – Т. 5. – № 4. – С. 99-114. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-4-99-114>

For citation:

N. Buketova, A. Aratayeva, S. Turkenova, A. Amrenova Relic root morphemes of Kazakh language among linguistic universals // Turkic Studies Journal. – 2023. – Vol. 5. – No 4. – P. 99-114. DOI: <http://doi.org/10.32523/2664-5157-2023-4-99-114>

Введение

Ф. де Соссюр, основоположник семиологии и структурной лингвистики, проведя анализ работ крупных лингвистов, таких, как Ф.А. Вольф, Ф. Бопп, Я. Гримм, А.Ф. Потт, М. Мюллер, Г. Курциус, А. Шлейхер и др., приходит к мысли, что в задачу лингвистики входит «...обнаружение факторов, постоянно и универсально действующих во всех языках, и установление тех общих законов, к которым можно свести отдельные явления в истории этих языков; определение своих границ и объекта» (Соссюр, 1977: 44). Следует отметить, что названные задачи и сегодня являются актуальными в связи с тем, что появилась возможность проводить типологический анализ как полнозначных слов, так и слов, сохранивших лишь усечённые структуры с импульсом значений. В большинстве своём исследователи современного языка исходят из синхронных позиций, определяя синхронию как некоторое реальное «состояние» языка в определённый период, то есть употребляя термин «состояние языка» как синоним термина «синхрония» (Соссюр, 1977: 133). Исходя из этого «диахрония» будет трактоваться как эволюционная фаза, т.е. аккумулировавшая процессы, которые происходили в данном языке до современного его состояния. В данной статье представлено исследование корневых морфем казахского языка, которые мы называем реликтивными, в производных и сложных словах, входящих в синхронную систему словообразования полнозначной корневой морфемой, если это сложное слово, либо присоединяющихся суффиксом (Букетова, 2018: 11). Определение реликтивной корневой морфемы, данное Н.И. Букетовой, является универсальным по отношению к описанным явлениям во многих исследуемых языках, в том числе и казахского языка: «Реликтивная корневая морфема – это остаточно выделяемая при синхронном словообразовательном анализе корневая морфема, семантика которой характеризуется фразеологичностью, выражается в словообразовательном значении и подтверждается множественной семантикой, находящей место в различных исторических срезах в диахронном аспекте» (Букетова, 2018: 58). Рассмотрение данного явления в казахском языке даёт эволюционную картину формирования остаточной семантики в синхронии с углублением в диахронию.

Материалы и методы исследования

Выборка материала исследования корпуса реликтивных корневых морфем казахского языка проводилась по имеющимся этимологическим словарям тюркских языков, лексике письменных памятников. Получение динамичной картины тюркских языков было бы возможным, как отмечает академик А.Т. Кайдаров, при обращении внимания на «зондирование глубинных процессов эволюции корневой лексики каждого отдельно взятого современного тюркского языка» (Кайдаров, 1986: 4). Для выявления корпуса лексики казахского языка с реликтивными корневыми морфемами был подвергнут анализу весь комплекс односложных самостоятельных корней и основ (далее ОКО – А.Т. Кайдаров), среди которых, в первую очередь, были отобраны «затемненные», то

есть те, где сегмент, рассматриваемый как корень в одну языковую эпоху, мог оказаться для предшествующего периода сложной единицей (основой или словом), и, наоборот, сложная единица на определённом этапе развития языка могла для последующего этапа, оказаться простой и неразложимой.

Значительным вкладом в изучение структуры древнетюркского корня является исследование Н.Г. Шаймердиновой «Корневая морфема в древнетюркском языке» с позиций синхронного и диахронного подхода к системе словообразования и выделения «корневой морфемы как знаковой единицы, содержательной стороной которой является закодированная информация, воплощённая в лексическом значении слова» (Шаймердинова, 2022: 95). Применение исследователем современных методов словообразовательного и морфемного анализа к пласту древнетюркской лексики даёт ему возможность выявить, что древнетюркский язык в VI-X веках н.э. имел полноценную структуру слова, в котором четко различались функции и значения корневых и аффиксальных морфем (Шаймердинова, 2022: 103).

Известный тюрколог Э.В. Севортян подчеркивает динамику словообразовательных процессов: «Морфологически затемненные основы не являются изолированными величинами, но входят, с одной стороны, в разные ряды, образовавшиеся по древним, большей частью непродуктивным словообразовательным моделям, с другой, – в лексико-семантические гомогенные объединения, каждое из которых восходит к определенной производящей основе, части корневого характера» (Севортян, 1978: 70). Также он отмечает, что этимологический анализ лексической основы тем результативнее, чем результативнее его морфемный, прежде всего словообразовательный анализ, который исходит из соответствующей словообразовательной модели, из всей совокупности характеристик, относящихся к производящей основе модели и словообразовательному аффиксу с учетом его функционирования в истории тюркских языков (Севортян, 1978: 43).

Некоторые затруднения при отборе слов с реликтовыми корневыми морфемами в казахском языке были вызваны тем, что обратный словарь К.Б. Бектаева (Бектаев, 1971) отражает лексику казахского языка не в полной мере, т.е. при необходимости проверки по аффиксу нет возможности проверить весь обратный список.

Название монографии А.Т. Кайдарова «Структура односложных корней и основ в казахском языке» объясняется тем, что в тюркологии под термином «корень» обычно понимается неразложимая часть слова, которая может быть не только односложной, но и двусложной, даже трехсложной. Направление развития тюркского корня от простейших моносиллабических форм к сложным полисиллабическим или наоборот остается все еще спорным. По мнению А.Т. Кайдарова, односложный лексический элемент, кажущийся на первый взгляд неразложимым, при более тщательном анализе может распадаться на реальные составные части, а в другом, наоборот, оказаться «продукцией» сплавления, слияния, опрощения, стяжения, фузии и прочих структурных изменений и модификаций. Именно поэтому он считает, что односложная лексема, квалифицируемая в плане синхронии как корень, в плане диахронии может оказаться основой, состоящей из производящей и производной морфем (Кайдаров, 1986: 4-5).

Эта позиция, вероятно, является наиболее подходящей в исторической перспективе. В соответствии с нашей интерпретацией, где в центре синхронного анализа находятся сложное и производное слова, из «Словаря односложных корней и основ в казахском языке» нами были отобраны только те ОКО, которые входят в словообразовательные гнезда и ряды, а также имелась возможность выделения хотя бы одного компонента сложных существительных. ОКО как корневая морфема, «семантически ущербная» в синхронии, может подвергнуться анализу в ретроспективном плане для определения различных процессов, способствовавших превращению корневых морфем в неразложимые. Для слов с РКМ казахского языка используется периодизация М. Томанова, основанная на исторической хронологии Н.А. Баскакова (Баскаков, 1969).

XX в. – Современный казахский язык.

XIX в. – Национальный казахский язык.

XVI в. – XIX в. – Народный казахский язык.

X в. – XV в. – Среднетюркский (язык) период.

Vb. – Древнетюркский период.

Дообщетюркский:

а) раннепратюркский гуннский период – исторический

б) алтайский период – доисторический

а) раннепратюркский гуннский период – исторический

б) алтайский период – доисторический

Родственность алтайской группы языков является гипотезой, которую нельзя ни опровергнуть, ни доказать, поэтому предположительно выделение дообщетюркского периода. Древнетюркские показатели определяются по этимологическому словарю. Среднетюркский период представлен письменными памятниками, однако нет системного описания лексики всего среднетюркского периода, поэтому поиск значения осуществляется в этимологическом словаре, а также в словнике Э.Н. Наджиба в «Исследования по истории тюркских языков XIV вв.» (Наджиб, 1989). Период с XVI по XIX вв. назовем условно раннеказахским, т.к. деление на периоды «народный» и «национальный казахский язык» создает необходимость объяснения качественного отличия одного от другого, а эти определения являются также условными. Исследования на уровне современного языка проводятся в синхронической плоскости. Анализ по периодам, из которых извлекается первичное значение, включает в себя историческую периодизацию и проводится в диахроническую глубину.

Синхрония	XX в.	Современный казахский язык
Диахрония	XV-XIX вв.	Раннеказахский период
Диахрония	X-XV вв.	Среднетюркский период
Диахрония	V в.	Древнетюркский период
Диахрония	до V в.	Дообщетюркский период

Тематическая классификация слов с РКМ в казахском языке

Тематическая классификация слов с РКМ указывает на тот факт, что данные лексические единицы группируются вокруг большой темы «Человек». Подтверждение неслучайности данного явления находим в исследовании корневой морфемы древнетюркского языка: «Корневая морфема – главный и обязательный компонент древнетюркского слова, без корня слова не бывает. В то же время корневая морфема – знаковая единица, поскольку как единица языковой системы она кодирует информацию об окружающем мире. Материальной стороной корневой морфемы в устной речи является звук и звукоряд, в письменной речи – буква и букворяд. Идеальной стороной корневой морфемы является информация об окружающем мире: природе, социуме и человеке» (Шаймердинова, 2022: 103).

1. Физический мир (земля, вода, растительность) – *айдала, айтақыр, атырау, арал, арық, бөге, бөгет, бөген, дөңбек, дөңгелек, жалын, жылы, жылымшы, жылым, қақыр, қаңбақ, қаңқа, қаңырсы, қаңсы, қаңғырла, қаңтар, қоқы, қоқыр, қоқтық, қоқым, балдыр, балқаш, балшық, балжыр, балқы, үңгір, үңіре, ылас, ылжыра, қақай, қойнау.*

2. Животный мир (птицы, насекомые и др.) – *жылан, жорға, түлкі, жорт, түлік, түле.*

3. Человек и его мир (обозначения человека по полу, возрасту и другим признакам, части тела, жилью (дом), постройки, утварь и пр., земледелие, трудовая деятельность, движение, измерения, способ выражения мыслей и их восприятие, законодательство, обычаи, религия и суеверие) – *айт, атқай, айны, айлан, айыр, адарғы, алғыс, ақса, аңқай, арық, арғы, аршы, ару, аудан, аумақ, ауыл, аула, безілде, безгек, белгі, белгілі, бөген, бөксе, бөксер, бүкте, бүкір, бүйір, бүйрек, бүйен, балғын, балауса, балбыра, байла, жалын, жалбарын, жігіт, жігітшілік, жылжы, жаңылтпақ, жаңсақ, жары, жарылқа, жасыр, жасырмақ, жасырыңқы, жадыра, жері, жерік, жөргек, жөрме, жұмыл, жұмыр, жұмыс, жұмса, итер, итеңдеу, қайтар, қайқай, қайталау, қаймақ, қайрақ, қағанақ қақыр, қамшы, қаңқа, қаңғы, қарт, қария, қартаң, қары, қартай, кеки, кекжи, кекши, көкірек, көлік, көксау, көкей, қоын, қурбылас, құрбы, құрдас, құралты, құрса, құтыл, құтқар, қызған, қызық, көтер, күзет, күзетші, күрес, мақтау, мақтаншақ, мақта, маңғаз, маңқи, меңзе, меңде, мүкіс, мүгедек, өгей, өгейлік, секір, секеңде, сексем, сектек, секси, сызда, сыздауық, сыздықтат, талғам, талға, табақ, табалдырлық, тобық, топшы, топса, топай, төркін, тұрық, түлек, уат, ұлтан, ұлтар, ұрық, ұрпақ, үйрен, үйрену, үлес, үрік, ұрын, шақыр, ынты, ынтық, ырғақ, ырға.*

Степень изученности темы

Сходный путь развития в языках индогерманских и неиндогерманских не только в общих чертах, но и в частности обнаруживает А. Шлейхер (Schleicher, 1861: 26). Лексические остатки, которые нами определяются как реликтовые корневые морфемы, имеют место во многих языках: в германских (немецком, шведском, английском),

романских (испанском, французском), тюркских (чувашском, киргизском, казахском) и других, где они назывались по-разному: уникалиями, радикаоидами, квази-морфами, сегментами, «окаменелостями», «мёртвыми корнями» (Букетова, 2018: 51-59).

По мнению К.М. Мусаева, некоторые слова являются реликтами древнетюркского наследия, сохранившимися в диалектах и говорах, с одной стороны, или будут отражать региональные контакты тюркских языков в определенные эпохи, с другой стороны (Мусаев, 1984: 45). Отсутствие широкого спектра хронологизации истории тюркских языков (диалектов) в фонетическом, семантическом, грамматическом плане, например, в среднетюркском периоде вносит затруднения в такого рода исследования, что требует капитальных исследований общетюркского пласта диалектов тюркских языков (Мусаев, 1984: 48). Рассмотрение словообразования как самостоятельной лингвистической дисциплины явилось основой для нахождения места таким языковым явлениям, которые в традиционной науке выводились в «исключения», трактовались как изолированные, нетипичные для системы языка. Спор о членении таких слов, как «малина», «говядина», происходил потому, что одни лингвисты исходили с позиций морфологического, а другие словообразовательного анализа (Смирницкий, 1956; Винокур, 1981).

Зарубежные лингвисты считали возможным членение слов типа «cranberry» с «уникальными компонентами» (Bloomfield, 1955), (Глисон, 1959), более того признали, например, остаток «у» в «обуть» значимым в словообразовательном ряду «обуть, разуть» (Dokulil, 1968), в то время как в советской лингвистике эти «остатки» с трудом были признаны корневыми морфемами.

Некогда однозначные корневые морфемы в синхронической словообразовательной системе являются реликтом, поэтому к ним возможно применение термина «реликтовая корневая морфема». Слова, содержащие реликтовые корневые морфемы, удерживаются в синхронической словообразовательной системе под влиянием действия «выравнивания языковой системы», что выражается в том, что они вступают в словообразовательные отношения с продуктивными аффиксами, образуя многочисленные словообразовательные гнезда. А.Т. Кайдаров подчеркивает, что понятие «мертвые корни», «мертвые основы» не лишено определенной условности, так как оно неравнозначно понятию «бесследное исчезновение» или «безвозвратная их утрата» языком. Большая часть так называемых «мертвых корней» сосуществует в языке с живыми и продолжает участвовать в процессе словотворчества. В тюркских языках существование «мертвых корней» признается почти всеми учеными-тюркологами, разница лишь в подходе к ним: одни считают «мертвыми» те корневые элементы, которые не употребляются в языковой практике самостоятельно, а другие – те, которые не поддаются вычленению из состава производной основы (Кайдаров, 1986: 30). Системное рассмотрение слов с РКМ в казахском языке выполняется впервые и затруднено отсутствием специализированных лексикографических источников по среднетюркскому и другим историческим хронологическим срезам.

Анализ

Корневые морфемы как основной источник словообразования, как первые «мысленные слепки» представляют собой нечто статичное, константное в общем представлении, и нечто динамичное, подверженное изменениям в языковом рассмотрении: «Действительный язык историчен и динамичен, где языковая деятельность состоит не в том, чтобы говорить и понимать, а в том, чтобы посредством языка сообщать и понимать нечто новое..., принцип последовательности основан на изменениях», - пишет известный лингвист Е. Косериу (Coseriu, 1974: 92). Языковое состояние в синхронической проекции – это только плоскость, срез, который может быть продолжен в историческом плане. В этом отношении корневые морфемы, превратившиеся в реликт в синхронной плоскости, интересны нам не с позиции, почему это произошло, а с позиции, почему произошло то или другое изменение вообще, приведшее к такому результату, т.е. превращению в реликт. Факт, что в языках происходят изменения, является универсальным: они чаще происходят на «критических точках» языковой системы. В словообразовании этими точками являются стыки словообразовательных морфем, словообразовательные швы, модели и словообразовательные аффиксы, находящиеся на стадии архаизации. Поэтому взгляд в ретроспективу даёт дополнительный материал для описания реликтовых корневых морфем. Было бы неверным трактовать это направление как поиск причин превращения в реликтовые корневые морфемы в процессе эволюции от полнозначной корневой морфемы в реликтовую, начиная от дообщeturкского, древнетюркского до современного казахского языка.

Приведём несколько примеров реликтовых корневых морфем казахского языка, с полным списком которых можно ознакомиться в (Букетова, 2018: 26-28). РКМ ай в словах «айт, айқай», которое восходит к дтюрк. *aj-* «говорить, разъяснять, толковать, называть, указывать, руководить, позволять, повелевать, предписывать». Отсюда видно, что превращение в РКМ произошло вследствие резкого сужения значений до такой степени, что в казахском языке осталось лишь одно – «говорить». Из многочисленных слов от *ай* отмечаются производное с именным аффиксом *-t* в значении действия *-ajyt* («*aj-* + *-yt*») «проповедь», *aydet* – (*ayı + et*) «петь песни», возможно, отсюда, казахское «эдет» «традиция». Тюрк. *ай* сравнивается с монг. *aja, ajas* «звук», «звуки», «произношение», «акцент», «ритм», «мелодия», «тон» (Lessing, 1960: 22-24), с позднеавест. *ad* – «говорить», «сказать», а также с лат. *ai (i)* о «говори же!», «утверждай!». Отсюда можно сделать вывод, что РКМ *at* в «айт, айқай» восходит к дообщeturкскому (Севортян, 1978: 100). До сегодняшнего дня, вероятно, сохранилось одно из самых древних значений. Далее, РКМ *ай* в слове «айыр», РКМ *at* в слове «атырау» восходят, по Г. Вамбери, к *aj-. at-* «отделять», «разделять» (Vambery, 1878: 26). Между тем, для тюркских языков исходным является скорее вещественное значение «отделять», «разъединять», значение же «отмечать», «различать» вторичное. Имеется маньчж. *fazira* – «отделять», поэтому мы относим РКМ *ad* в данном случае к дообщeturкскому периоду.

Из сопоставления арал «остров», *argu* «большая река», *ары* «рукав реки», «арыг» (як. ары:) Э.В. Севортян выделяет корень *ар (*а: р?), о происхождении которого имеются различные мнения (Севортян, 1978: 99). Например, Г. Вамбери сопоставлял *ag, or*

«между», «посреди», «общий», «общество» и включал в ряд уйг. ага «между», *ortak*, *ortaki* «середина, гаг. *aris* «оглобля», *aral* «море», «озеро», «остров» (собственно «маленькое тело, заключенное между большими телами» (Vambery, 1878: 17). Г. Рамстедт сравнивал арал с а: ра – ага «промежуток», «между», считая, что первое происходит из второго (Ramstedt, 1935: 14). И. Покорны считает, что отношение *ар (*а: р) к и.-е., *ar-, *auer-, также связанному с понятием вода, не ясны (Pokorny, 1959: 80–81). Можно присоединиться к гипотезе А.Т. Кайдарова о происхождении «айыр» из ар, если объяснять это тем, что «а» в корне «ар» было длинным и при присоединении суффикса -(а) р, согласно принципу экономии в языке, произошла дифтонгизация и совпадение двух «р».

Приведём пример слова с РКМ древнетюркского происхождения. В словах «айдала, айтақыр» РКМ ай восходит к дтюрк. а: й/а: со значением «луна», «месяц». Исторически наряду с а: u «всходить (о луне)», ау *aydigi*, ау *ayazi* «очень светлая лунная ночь», турк. диал. имеется производное от ай: ауа- «ходить, гулять при лунном свете» (Севортян, 1978: 99). Г. Вамбери сблизал *aj juzluk* «со светлым, ясным лицом» (Vambery, 1878: 5). Диахронная глубина – древнетюркский период. Причина превращения в РКМ, видимо, безударное положение первого компонента, находящегося не под главным, а под второстепенным ударением. Отсюда, например, можно компонент ай- заменить на слово *ми* и сказать «ми дала». РКМ ай в производном айлан – «айла – н или ай-лан) восходит к возвратной форме глагола айла- -айлан, в казахском языке сохранилась форма с метатезой -айнал-, которая встречается также в староузбекских текстах, т.е. в литературном тюрки (Наджиц, 1989: 102), восходит к древнетюркскому периоду (Севортян, 1978: 105, 109). РКМ ал восходит, по мнению Г. Вамбери, к корням *al*, *al*, *ul*, *ul* «большой, высокий, увеличивать, восхвалять» (Vambery, 1878: 5). Э.В. Севортян объединяет с алт. алмак, «хороший», из сопоставления которых выделяется корень *ал. Он может быть глагольным и именным, в зависимости от этого алка — можно представить как *ал + қа, т.е. в качестве отыменного глагола, или как *ал- + қа-қы т.е. в качестве усилительной формы глагола *ал- (Севортян, 1978: 137). РКМ ал восходит к древнетюркскому периоду.

Н. Оралбаева относительно корневых морфем в производных словах пишет, что в редких случаях в их составе встречаются слова, не употребляющиеся самостоятельно в языке. Лексическое значение этих слов затемнено. Это связано с современным состоянием языка. Н. Оралбаева называет ряд слов, таких, как *ұял*, *ұят*, *оян*, *жұбан*, *жұбат*, *момын*, *момақан*, где производящей основой служат *ұя*, *оя*, *жұба*, *мом*, не имеющие лексического значения (Балакаев и др., 1989: 15). Но как отмечают авторы книги «Қазіргі қазақ тілі сөзжасам жүйесі» (Балакаев и др. 1989: 4), еще есть много неизученного с позиций словообразования как самостоятельной науки. Исходя из этого, в плане общей теории словообразования предлагается рассмотреть производные слова с «мертвыми корнями» с чисто синхронных позиций, так как лексическая затемненность не говорит об отсутствии словообразовательного значения в производном слове в целом, то есть речь может идти о семантике слов с РКМ в синхронии. Относительно термина «производное

слово» следует отметить, что в казахском словообразовании это еще не общепринятый термин, иногда он употребляется в значении «производный корень». Под производным корнем понимается одна группа производных слов, образованных посредством суффиксации или синтетическим путем. В данном исследовании мы предлагаем рассматривать слова, образованные посредством суффиксов, словосложением как производные слова.

Из односложных корневых морфем (ОКО), данных в Словнике А.Т. Кайдарова, 1352 отмечены гипотетической звездочкой, показателем, что они являются «мертвыми». Нас интересуют только те ОКО, которые входят в синхронное словообразование либо суффиксом, релевантным для современной системы словообразования, либо одним из компонентов сложного слова, который является корневым словом. В восьми ОКО -ай-, казалось бы, различных по значению, имеется некий импульс общей семантики «пространственная динамика».

ОКО -ай –	– грозное внушительное
	– необозримое
	– безбрежное
	– говорить
	– круглое, кольцеобразное
	– разводить
	– нечто изменчивое, склонное к переменам
	– нечто перекрещивающее, раздвоенное
	– нижняя конечность, часть чего-либо

Приведём примеры аффиксальных существительных, образованных по моделям, имеющимся в современной словообразовательной системе казахского языка. Модель с аффиксом -ық (-ік), -ақ (ек), -қ (к) относится в словообразовании казахского языка к продуктивным и имеется ряд производных, образованных по ней. Из Словника А.Т. Кайдарова нами выбраны существительные с затемненной основой, образованные по этой модели.

Это существительные с -ық: асық «альчик», быртық «коротыш, замухрышка», борық «болото, болотистая местность», арық «арык», балшық «грязь», шалшық «лужа», жарық «свет», қайық «лодка», сырық «длинный шест», тобық «надколенная чашечка», ұшық «болезнь», қорық «шлак», қабық «кожура», жосық «обычай, традиция», ырық «воля», ұрық, «семя», тымық «духота», тұйық «тупик», суық «холод», қытық «щекотка»; существительные с аффиксом -ақ: пышақ «нож», ылақ «козленок», тымақ «шапка-ушанка», қабақ «веко, надбровие»; существительные с -ік: етік «сапоги», ерік «свобода, воля», бесік «люлька», есік «дверь», жерік «избирательность в еде»; существительные с -ін: дүркін «период». Огромное количество затемненных корней в словообразовательной модели говорит уже о том, что аффикс и производящая основа находятся на грани слияния и словообразовательный шов определяется с трудом. Производное слово по своей форме становится ближе к простому и находится на грани перехода в простые корневые слова. В слове «жосық», для придания дополнительной мотивации РКМ жос,

в разговорной речи употребляется в паре со словом *жән*, которое само обозначает «порядок, обычай, традиция» – *жән-жосық*. В некоторых случаях сближается с РКМ *жор* в словах *жорық*, *жорт*, *жорға* и употребляется как *жорық*, *жосы*, *жән-жосық*, где налицо ротацизм согласных, как РКМ *көр* (*көз*), который, естественно, повлиял на превращение некогда полнозначных морфем в реликтовую.

Парное употребление слов имеет место при демотивации слова, при изменении его внутренней структуры. К сожалению, нет возможности рассмотрения каждого существительного в отдельности, но, видимо, в этом нет особой необходимости, так как общая тенденция слов с РКМ, образованных по модели *-ық* (*ік*), *-ақ* (*-ек*), *-қ* (*-к*) – это стремление слова к свертыванию структуры от производного в простое и выражение чего-то конкретного, где аффикс выполняет уже почти формальную функцию оформления существительного. На примере нескольких моделей мы показали, что словообразовательная модель, если она непродуктивна, то уже не имеет группового значения словообразовательного ряда, как в примере с суффиксом *-ыр* (*-ір*), и, сливаясь с РКМ, все производное слово подвергается качественным изменениям и в архитектонике полевого структурирования перемещается ближе к элементарным единицам словообразования.

Полученные результаты

Таким образом, универсалии, являясь одной из центральных проблем познания, постепенно переходят в теорию языка, образуя новый аспект лингвистики – универсологию. Как утверждает К. Бюлер, если предзнаменования не лгут, то мы движемся навстречу новому взлету сравнительного языковедения – некой фазе универсального сравнения человеческих языков, на которой должен быть на более высоком уровне реализован тот замысел, который маячил уже перед В. фон Гумбольдтом и его современниками (Бюлер, 1993: 8). Знак, означаемое, означающее – эти термины введены Ф. де Соссюром (Соссюр, 1977: 98). Важнейшим свойством соссюровского знака является его двусторонний характер или билатеральность, где вместо термина «понятие» он вводит «означаемое (план содержания)» и вместо акустического образа — «означающее» (план выражения) (Соссюр, 1977: 100). Реликтовая корневая морфема с этих позиций рассматривается как языковой знак. Языковой знак, по Соссюру, произволен, т.е. означающее немотивировано, произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи. Таким образом, Соссюр подчеркивает линейный характер языкового знака. «Язык совершенно неспособен защититься от сил, которые каждое мгновение изменяют соотношение означающего и означаемого. Это одно из следствий произвольности знака» (Соссюр, 1977: 108).

С вопросами асимметрии связана и проблема РКМ. Особенно ярко эта связь проявляется в сложных существительных с РКМ. В казахском языке прослеживается динамика от сложного слова, представленного сначала словосочетанием, например, *тас бақа* «черепаха», которое превращается в лексико-грамматическое единство и начинает писаться вместе «*тасбақа*». В некоторых сложных словах внутренняя структура нарушается и появляются слова типа «*қайнене*», «*қайната*», которые имеют значения «свекровь», «свекор», т.е. уже не выводятся из ранее синтаксического образования «*қайын ене*» – «мать со стороны мужа или жены», «*қайын ата*» – «отец со стороны

мужа или жены». Вследствие изменений в первом или втором компоненте происходит деструкция сложного слова, которое воспринимается уже как простое корневое слово, где первый или второй компонент еще выполняют роль ономаσιологического базиса: көгел, колғап.

Рассмотрение слов с РКМ как производных позволяет говорить о семантической значимости РКМ в синхронии. В слове «қараторғай» первый компонент вследствие потери внутренней мотивации из обозначения вида превратился в часть сложного слова для обозначения рода птиц. В дальнейшем под воздействием вторичной мотивации и добавлением атрибута «қара» происходит возвращение видового значения и слово принимает форму «қара қараторғай».

Выводы

Изменения во внутренней структуре сложных и производных слов с РКМ не влияют на сохранение главной функции языкового знака – номинативной. Диахроническая глубина позволяет проследить не только изменение до реликтовых корневых морфем, но и уточнить, какая часть значения сохранилась в современном языке: «...смысл слов – это самый надежный свет, к которому можно обращаться за советом» (Фуко, 1994: 144). Универсальность явления превращения некогда однозначных корневых морфем в реликт дает возможность на материале периферийного явления определить закономерные тенденции в словообразовании казахского языка. Слова с РКМ находятся на переходных линиях от ядра к периферии, производные с РКМ размещаются между корневыми морфемами, т.е. центром и производными словами. Реликтовая корневая морфема вызвана к жизни уже самим существованием языка, и в этом смысле она универсальна.

Литература

- Балакаев М.Б., Есенов К.М., Жанпеисов Е.Н., Оралбаева И.О., 1989. Қазіргі қазақ тілі сөзжасам жүйесі. Алматы. 365 с.
- Баскаков Н.А., 1969. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа. 331 с.
- Бектаев К.Б., 1971. Обратный словарь казахского языка. Алматы.
- Bloomfield L., 1955. Language. London: g.Allen Unwin. 566 p.
- Букетова Н.И., 2018. Реликтовая корневая морфема как языковая универсалия. Караганда: ТОО Tengri Ltd. 292 с.
- Бюлер К., 1993. Теория языка. Москва: Прогресс. 501 с.
- Vambery H., 1878. Etymologisches Wörterbuch der Turkotatarischen Sprachen. Leipzig: F.A. Brockhaus. 228 s.
- Dokulil M., 1968. Zur Frage der Stellung der Wortbildung im Sprarhsystem. // Slovo a Slovesnost, R.28. S.13. [Электронный ресурс] – URL: <http://sas.ujc.cas.cz/archiv.php?art=1589>. (дата обращения: 21.06.2023).
- Кайдаров А.Т., 1986. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР. 322 с.
- Coseriu E., 1974. Synchronie, Diachronie und Geschichte. Das Problem des Spiachwandels. Munchen: Fink. 250 s.
- Lessing F.D., 1960. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los-Angeles: University of California Press.

- Мусаев К.М., 1984. Лексикология тюркских языков. М.: Наука. 227 с.
- Наджиб Э.Н., 1989. Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. М.: Наука. 291 с.
- Pokorny J., 1959. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern und München: A.Francke. 1183 s.
- Ramstedt G.J., 1935. Kalmukisches Wörterbuch. Helsinki. 321 p.
- Севортян Э.В., 1978. Этимологический словарь тюркских языков. Москва: Изд-во «Наука». 349 с.
- Смирницкий А.И., 1956. Лексикология английского языка. М.: Изд-во ин. лит. 260 с.
- Сосюр Ф. де, 1977. Труды по языкознанию. Москва: Прогресс. 696 с.
- Фуко М., 1994. Слова и вещи. Санкт-Петербург: А-сэд. 408 с.
- Шаймердинова Н.Г., 2022. Корневая морфема в древнетюркском языке// Turkic Studies Journal. 1 (Т. 4). P. 95-108.
- Schleicher A., 1861-1862. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. В.І. Weimar. 784 s.

Reference

- Balakaev M.B., Esenov K.M., Zhanpeisov E.N., Oralbaeva I.O., 1989. Kazipgi qazaq tili sözhasam zhuiesi [Word-building System of the Modern Kazakh Language]. Almaty. 365c. [in Kazakh].
- Baskakov N.A., 1969. Vvedenie v izuchenie tiurkskikh iazykov [Introduction to the Study of Turkic Languages]. М.: Vysshaya shkola. 331s. [in Russian].
- Bektaev K.B., 1971. Obratnyi slovar kazakhskogo iazyka [Reverse Dictionary of Kazakh Language]. Almaty. [in Russian].
- Bloomfield L., 1955. Language. London: g.Allen Unwin. 566 p.
- Buketova N.I., 2018. Reliktovaia kornevaia morfema kak iazykovaia universaliiia [Relic Root Morpheme as a Linguistic Universal]. Karaganda: TOO Tengri Ltd. 292 s. [in Russian].
- Biuler K., 1993. Teoriia iazyka [Theory of Language]. Moskva: Progress. 501 c. [in Russian].
- Vambery H., 1878. Etymologisches Wörterbuch der Turkotatarischen Sprachen [Etymology Dictionary of Turkic and Tatar Languages]. Leipzig: F.A. Brockhaus. 228 s. [in German].
- Dokulil M., 1968. Zur Frage der Stellung der Wortbildung im Sprarhsystem [Revisiting the Role of Word Formation in the Language System], Slovo a Slovesnost [Word and Verbal Folklore], R.28. S.13. [Electronic resource]. Available at: <http://sas.ujc.cas.cz/archiv.php?art=1589>. (Accessed: 21.06.2023). [in German].
- Kaidarov A.T., 1986. Struktura odnoslozhnykh kornei i osnov v kazakhskom iazyke [Structure of One-Word Roots and Stems in Kazakh Language]. Alma-Ata: Izd-vo «Nauka» Kazakhskoi SSR. 322 s. [in Russian].
- Coseriu E., 1974. Synchronic, Diachronie und Geschichte. [Synchrony, Diachrony and History]. Das Problem des Sprachwandels [The Problem of Language Change]. München: Fink. 250 s. [in German].
- Lessing F.D., 1960. Mongolian-English dictionary. Berkeley; Los-Angeles: University of California Press.
- Musaev K.M., 1984. Leksikologiia tiurkskikh iazykov [Lexicology of Turkic Languages]. М.: Nauka. 227 s. [in Russian].
- Nadzhip E.N., 1989. Issledovaniia po istorii tiurkskikh iazykov XI-XIV vv [Research of Turkic Languages History of XI-XIV Centuries]. М.: Nauka. 291 c. [in Russian].
- Pokorny J., 1959. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch [Indo-Germanic Etymology Dictionary]. Bern und München: A.Francke. 1183 s. [in German].

Ramstedt G.J., 1935. Kalmukisches Worterbuch [Kalmyk Dictionary]. Helsinki. 321 p. [in German].
Sevortian E.V., 1978. Etimologicheskii slovar tiurkskikh iazykov [Etymology Dictionary of Turkic Languages]. Moskva: Izd-vo «Nauka». 349 s. [in Russian].

Smirnitskii A.I., 1956. Leksikologiya angliiskogo iazyka [English Lexicology]. M.: Izd-vo in. lit. 260 s. [in Russian].

Sossiur F. de, 1977. Trudy po iazykoznaniiu [Works on Linguistics]. Moskva: Progress. 696 s. [in Russian].

Fuko M., 1994. Slova i veshchi [Words and Things]. Sankt-Peterburg: A-cad. 408 s. [in Russian].

Shaimerdinova N.G., 2022. Kornevaia morfema v drevnetiurkskom iazyke [Root Morpheme in Old Turkic Language], Turkic Studies Journal, 1 (4), P. 95-108. [in Russian].

Schleicher A., 1861-1862. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen [Pantology of Contrastive Grammar of Indo-Germanic Languages]. B.I.Weimar. 784 s. [in German].

***Н. Букетова^a**

^aАкадемик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан Республикасы
(E-mail: nursulu.buketova@mail.ru).

*Байланыс үшін автор: nursulu.buketova@mail.ru

А. Аратаева^b

^bАкадемик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан Республикасы
(E-mail: sgaat@mail.ru)

С. Туркенова^c

^cАкадемик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Қарағанды, Қазақстан Республикасы
(E-mail: saltanat_turkeno@mail.ru)

А. Амренова^d

^dЛ.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы
(E-mail: assel.s.a@mail.ru)

Қазақ тіліндегі реликт түбір морфемалар универсалия қатарында

Аннотация. Лексикалық қалдық сөзжасамдағы қарқынды үдерістің бір факторы ретінде көптеген тілде сипатталған. Реликт түбір морфемалар (РТМ-лар) тілден туындайтыны көрсетілген. Құрамында РТМ-сы бар сөздер тіл жүйесінде көбінесе ережеден тыс ерекшеліктер қатарына жатады, сол себепті «тілдің қатып қалуы», «уникалия», «радиксоид», «квази-морфа», т.б. деп аталады. РТМ-лы сөздерді морфемалық жіктеуді ғалымдар әлемдік деңгейде талай талқылаған, бірақ бұл мәселеде ортақ бір пікірге келе алмаған.

Мақалада РТМ-лы сөздерде аталған бірліктерді синхронды сөзжасамдық талдау тұрғысынан бөліп анықтаудың мысалдары берілген, мұнда қазақ тіліндегі РТМ-лы сөздер туынды сөз және

күрделі сөз ретінде қарастырылады. РТМ-лы сөздер синхронды сөзжасам жүйесіне қосымша және толық мағыналы түбір сөздер арқылы жалғанады, осылайша тілдер корпусында сақталады.

Мақалада РТМ-лар Ф. де Соссюр бойынша тілдің қазіргі қалпы, сондай-ақ тарихи ракурс тұрғысынан өзіндік мағынаға ие тілдік белгі ретінде қарастырылады. Сөзжасамдық жымдасуы және онымен сөз ағымына қатысуы нәтижесінде синхрондық жазықтықта сақталатын лексикалық қалдықтардың мағына импульсін немесе мағынасын айқындау мүмкіндігі пайда болады. РТМ-лы сөздерді диахронияда талдау уақыт факторы бойынша диахрондық тереңдіктің қай деңгейінде мағыналар аккумуляциясы болатынын, айқындап берді. РТМ-лардың тілде болуы, соның ішінде қазақ тілінде болуы универсалды сипатқа ие.

Сонымен, реликт түбір морфемалар синхронды сөзжасамдық талдауда қалдыққа бөлінетін, семантикасы сөзжасамдық мағынаны білдіретін фразеологиялық сипатқа ие түбір морфема, сондай-ақ диахрондық аспектіде әр алуан тарихи кесімінен табылатын көптеген мағынасы дәлелденгені айтылады.

Кілт сөздер: реликт түбір морфема, синхрондық жазықтық, диахрондық тереңдік, сөздің деструкциясы, тілдік белгі, мағына импульсі, сөзжасамдық талдау, сөзжасам моделі, қарапайым сөзжасам бірліктері.

***N. Buketova^a**

*^aKaraganda Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan
(E-mail: nursulu.buketova@mail.ru).*

**Corresponding author: nursulu.buketova@mail.ru*

A. Aratayeva^b

*^bKaraganda Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan
(E-mail: sgaat@mail.ru)*

S. Turkenova^c

*^cKaraganda Buketov University, Karaganda, Republic of Kazakhstan
(E-mail: saltanat_turkeno@mail.ru)*

A. Amrenova^d

*^dL.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
(E-mail: assel.s.a@mail.ru)*

Relic root morphemes of Kazakh language among linguistic universals

Abstract. Lexical remnants as one of the factors of the dynamic processes of word formation, are caused by the language existence. These phenomena are included in the category of exceptions in the system of languages and called «fossilized constructions», «quasi-morphs», «dead roots», etc. The new approach to the morphemic segmentation of words with lexical remnants is represented in the article. The term “relic root morphemes” (RRM) is suggested for lexical remnants.

The example of RRM separation based on synchronic word formation analysis is given in the article. According to F. de Saussure, the RRM is considered as a linguistic sign, which has its meaning both from the point of view of the current language state and the historical perspective.

The analysis of words with RRM based on diachronic approach makes it possible to identify at what level of time factor of the diachronic depth the meaning accumulation takes place.

The existence of the RRM in languages, including Kazakh, has a universal character. The relic root morpheme is a residually distinguishable root morpheme, the semantics of which is characterized by idiomatity, expressed in the word-forming meaning, and confirmed by multiple semantics, finding a place in different historical periods in diachronic aspect.

Keywords: relic root morpheme, synchronic level, diachronic depth, word destruction, linguistic sign, meaning impulse, word formation analysis, word formation model, elemental units of word formation.

Сведения об авторах:

Букетова Нурсулу, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранной филологии, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, ул. Муканова, 1, Караганда, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5117-775X>

Аратаева Айгуль, кандидат филологических наук, ассистент профессора кафедры теории и практики перевода, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, ул. Муканова, 1, Караганда, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7619-2720>

Туркенова Салтанат, кандидат педагогических наук, ассистент профессора кафедры теории и практики перевода, Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, ул. Муканова, 1, Караганда, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5084-2105>

Амренова Асель, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики иностранных языков, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, ул. Сатпаева, 2, Астана, Республика Казахстан.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9935-2991>

Авторлар туралы мәлімет:

Букетова Нурсулу, филология ғылымдарының докторы, шетел филологиясы кафедрасының профессоры, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Мұқанов көшесі, 1, Қарағанды, Қазақстан Республикасы.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5117-775X>

Аратаева Айгуль, филология ғылымдарының кандидаты, аударма теориясы мен практикасы кафедрасының профессор ассистенті, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Мұқанов көшесі, 1, Қарағанды, Қазақстан Республикасы.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7619-2720>

Туркенова Салтанат, педагогика ғылымдарының кандидаты, аударма теориясы мен практикасы кафедрасының профессор ассистенті, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды университеті, Мұқанов көшесі, 1, Қарағанды, Қазақстан Республикасы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5084-2105>

Амренова Асель, филология ғылымдарының кандидаты, шет тілдер теориясы мен практикасы кафедрасының аға оқытушысы, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Сәтбаев көшесі, 2, Астана, Қазақстан Республикасы.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9935-2991>

Information about authors:

Buketova Nursulu, Doctor of Philology, Professor of the Department of Foreign Philology, Karaganda Buketov University, 1 Mukanov str., Karaganda, Republic of Kazakhstan.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-5117-775X>

Aratayeva Aigul, Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of the Department of Translation Theory and Practice, Karaganda Buketov University, 1 Mukanov str., Karaganda, Republic of Kazakhstan.

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-7619-2720>

Turkenova Saltanat, Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant Professor of the Department of Translation Theory and Practice, Karaganda Buketov University, 1 Mukanov str., Karaganda, Republic of Kazakhstan.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5084-2105>

Amrenova Assel, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages Theory and Practice, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev str., Astana, Republic of Kazakhstan.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9935-2991>